

спісакъ.

t

Д. К. Сементковскій.

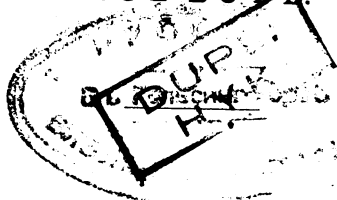
(И. В. Антарова).
Sementkovskii

Х 779 кавно, 6275

ЕВРЕИ И ЖИДЫ

Evrei i zhidy

ПОВѢСТЪ.

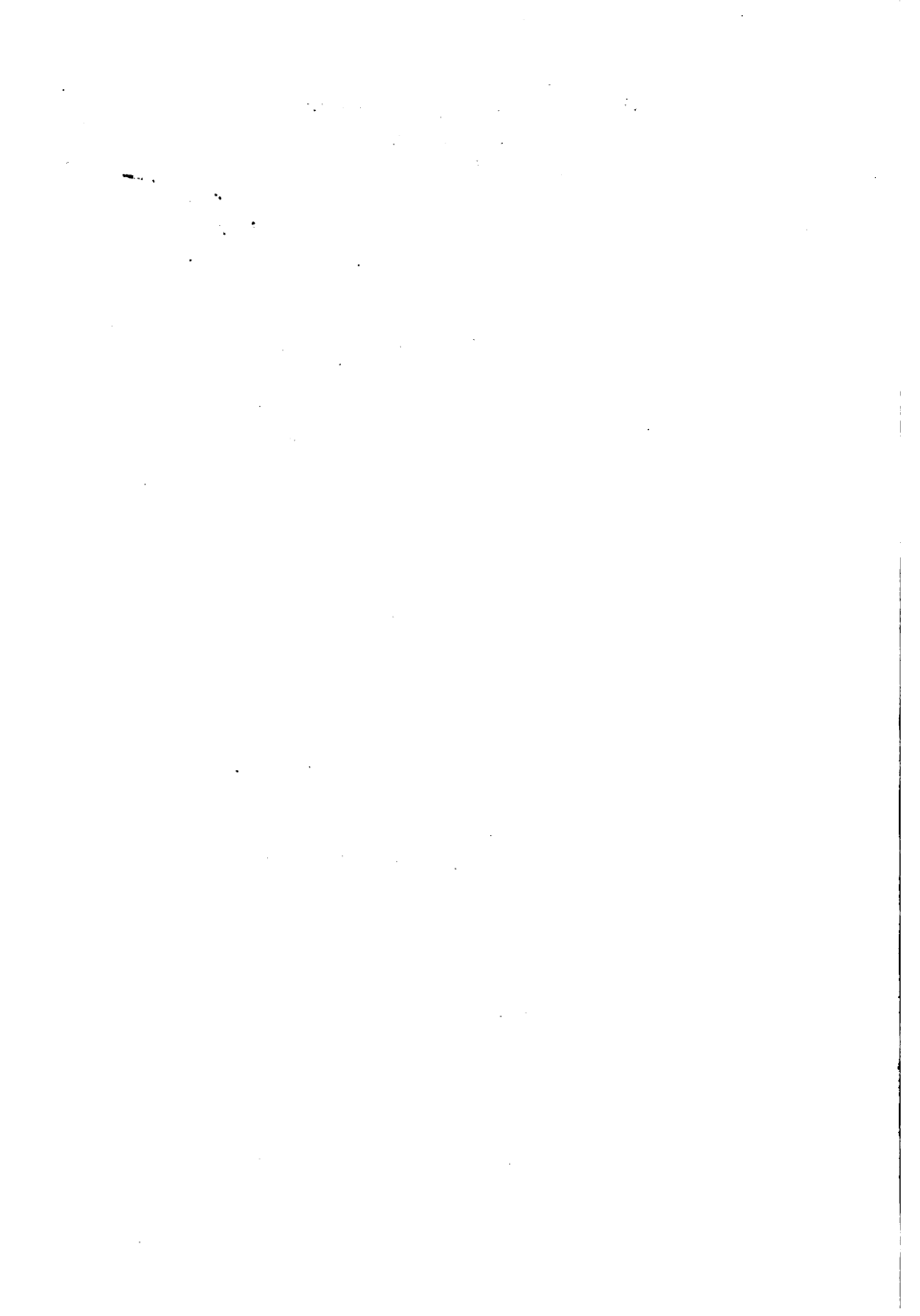
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

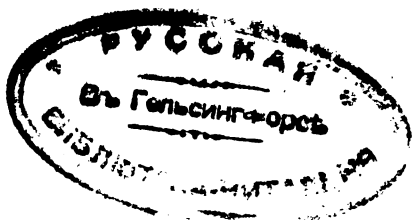

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Э. Арыгольда, Литейный просп., № 59.

1897.

Послѣ двухъ-лѣтнихъ скитаній по Россіи я раннею осенью 188. вернулся въ Петербургъ. Стояли хорошіе, ясные дни: ночью было холодно, но днемъ солнце еще припекало. Справившись съ дѣлами, я подумалъ о друзьяхъ и, прежде всего, о дорогомъ товарищѣ дѣтства и юности, жившемъ въ селѣ Александровскомъ, гдѣ онъ управлялъ заводомъ. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, я послѣ завтрака собрался къ старому своему другу. Упустилъ я только изъ виду, что день былъ воскресный, и мнѣ пришлось чувствительно за это поплатиться. Подѣвжаю къ дому друга—вижу: живетъ онъ по прежнему; тотъ же чистенькій, бѣленькій домъ; тѣ же зеленныя жалюзи, и, когда я позвонилъ, я увидалъ ту же опрятненькую старушку-«ведку», Фредерику. Увидѣвъ меня, она всплеснула руками.

— А барина-то дома нѣтъ! Въ городъ уѣхали.

— Здравствуй, Фредерика!—отвѣтилъ я на ея вогласъ, въ которомъ выражались одновременно и радость, и досада: радость—видѣть меня и досада, что я пріѣхалъ такъ неудачно.

— А когда же онъ будетъ?

— Завтра,—отвѣтила она, съ сожалѣніемъ покачивая головою. — Вы бы у насъ переночевали...

Я сперва думалъ принять предложеніе, но вспом-

нилъ, что у меня на другой день было назначено важное для меня свиданіе.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—я уѣду. Но скажи барину, что я завтра непременно буду къ обѣду. Прощай, Фредерика.

Старушка покачала еще головой, но, видя, что я рѣшительно удаляюсь, проговорила мнѣ вслѣдъ: «Будемъ здать, непременно будемъ здать!»—и тихо, нерѣшительно затворила дверь.

Извозчика я отпустилъ еще раньше и, выйдя на улицу, сталъ невольно оглядываться по сторонамъ, какъ человѣкъ, который не знаетъ, куда дѣваться. Суетливо было на улицѣ, шумно; слышались пѣсни, крики, говоръ; рабочіе проходили то гурьбою, то въ одиночку; многіе были на-веселѣ или даже пьяны. Непріятно было идти въ этой толкотнѣ человѣку, только-что попавшему въ Петербургъ. Влѣво отъ меня разстиралась Нева во всю свою ширь. Не смотря на шумъ, слышно было, какъ вдали пыхтитъ буксирный пароходъ. На другомъ берегу, между двумя фабриками съ ихъ высокими красными трубами, тянулся большой садъ. Тамъ было тихо. Я даже подумалъ—не поѣхать-ли мнѣ туда подышать въ тишинѣ свѣжимъ воздухомъ: здѣсь меня окружали винныя испаренія и какой-то непріятный особый запахъ, свойственный тѣмъ мѣстамъ, гдѣ много рабочаго люда, мелочныхъ лавокъ, портерныхъ заведеній. Прошелъ я нѣсколько шаговъ, отыскивая переездъ, какъ увидѣлъ по правую руку мощеную дорожку. Она, очевидно, вела въ поле. По сторонамъ

виднѣлись уже не двухъ или трехъ-этажные каменные и деревянные дома, а избы и даже ветхія избышки, полуразвалившіяся, вросшія въ землю, съ заколоченными на-глухо окнами. Мнѣ подумалось: «Пройти еще нѣсколько шаговъ, и я буду на-просторѣ».

Я не ошибся. Дорога тотчасъ же сворачивала влѣво, и передомною открылся безконечный кругозоръ. Солнце стояло еще довольно высоко и заливало всю равнину яркимъ свѣтомъ. На горизонтѣ, какъ разъ подъ солнцемъ, виднѣлась не то опушка лѣса, не то отдаленная роща. Я шелъ въ задумчивости, но мнѣ было хорошо. Послѣ непривычнаго шума типшина меня ласкала. Дышалось здѣсь свободнѣе. Вниманію не на чемъ было остановиться. Знакомый, хорошо знакомый видъ широко разстился передо мною. Съ этимъ видомъ я такъ сроднился. Онъ меня не развлекалъ, но онъ былъ мнѣ родственъ, и родственныя думы навѣвали онъ на меня. Какъ-то вдругъ кристаллизовались впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ моихъ двухъ-лѣтнихъ скитаній. Есть такіе моменты, когда по какому-нибудь случайному на видъ поводу отрывочныя мысли и наблюденія, какъ-бы противъ воли, приводятся человекомъ къ одному знаменателю, и самъ онъ не замѣчаетъ, какъ у него подведенъ итогъ. Вотъ она, родная ширь, — думалось мнѣ. Сколько я странствовалъ по этимъ знакомымъ мѣстамъ, приглядывался, какъ люди въ нихъ живутъ. И все мнѣ казалось, что жизнь эта не та, какая должна быть. А какою она

должна быть, — это остается загадкою. И думалось мнѣ еще, что, можетъ быть, эта загадка продолжаетъ оставаться загадкою потому, что мы смотримъ на жизнь не такъ, какъ она есть, а какъ бы мы хотѣли, чтобъ она была. Задаемся мы какимъ-нибудь послѣднимъ словомъ науки, новою теоріей, проникаемся новымъ чувствомъ, взятымъ, къ тому же, часто на прокатъ, — и ну, давай мѣрить жизнь этою мѣркой, кипятиться, горячиться, создавать себѣ противниковъ, враговъ, вести бесплодную борьбу... А родная ширь не перестаетъ загадочно разстилаться передъ нами и, утомленные борьбою, мы иногда бессильно опускаемъ руки, чувствуя, что настоящаго отвѣта на предлагаемый ею вопросъ у насъ за душою нѣтъ...

Такъ шелъ я въ задумчивости и вдругъ остановился. Предо мною, тутъ же у самой дороги, возвышались высокія, нѣсколько затѣйливыя ворота, и отъ нихъ вправо, вдоль дороги, и влѣво, перпендикулярно къ ней, тянулась длинная ограда изъ краснаго кирпича. Я заглянулъ въ широко-раскрытыя ворота и увидѣлъ деревянное строеніе, а вправо отъ него какія-то деревянные бесѣдки, увѣнчанныя свинцовыми куполами со звѣздами или урнами на верхушкѣ. Я вошелъ въ ворота, обогнулъ строеніе, и предо мною оказалась аллея изъ молодыхъ, только что насаженныхъ деревьевъ. Знакомый видъ мостковъ разсѣялъ мои сомнѣнія: я былъ на кладбищѣ и притомъ на кладбищѣ не христіанскомъ, — крестовъ нигдѣ не было видно. И, взглянувъ на надпись одно-

го изъ надгробныхъ камней, я убѣдился, что это — еврейское кладбище. Машинально прошелъ я дальше. Красная ограда не была доведена до конца, вдали видѣлось открытое поле, а по правую мою руку тянулись длинные правильные ряды могилъ, заросшихъ травою, съ сѣрыми нумерованными дощечками въ изголовьѣ. Безотрадное, унылое зрѣлище представляли, даже при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, эти могилы безъ надписей, безъ признаковъ заботливости любящей руки. Изъ больницъ привезены эти покойники сюда, — подумалось мнѣ, — и похоронены они на общественный счетъ. Поблуждалъ я вдоль этихъ могилъ и вернулся назадъ. Чѣмъ ближе къ выходу, тѣмъ менѣе унылое впечатлѣніе производило кладбище. Тутъ были уже, хотя и весьма немногочисленные, памятники, въ видѣ скрижалей, пылающаго мраморнаго сердца, урны, сломанной колонны. Еще ближе попадались мавзолеи и особенно много деревянныхъ бесѣдокъ или, точнѣе говоря, гробницъ въ видѣ молельнь. Я остановился у одной изъ нихъ. Она была наполнена цвѣтами. Никакой надписи, однако, не было видно. Но эти цвѣты вдругъ мнѣ что-то напомнили. Я началъ внимательно присматриваться къ надгробнымъ надписямъ. Попадались мнѣ древне-еврейскія, русскія, нѣмецкія и даже французскія надписи. Натолкнулся я на могилу довольно извѣстнаго юриста и публициста съ надписью: «Licht, mehr Licht», и это гетевское изреченіе на еврейскомъ кладбищѣ заставило меня еще съ большею поспѣшностью искать надписи, которой я

никакъ не могъ найти. И вспомнилъ я, что покойница, которую я искалъ, похоронена именно на Преображенскомъ кладбищѣ,—но ея могилы не оказывалось и всѣ мои поиски оставались тщетными.

Я рѣшился обратиться къ сторожу и постучалъ къ нему въ окно. Онъ вышелъ, и я его спросилъ: здѣсь-ли похоронена такая-то?

— Иждѣсь,—отвѣтилъ онъ услужливо, прошелъ со мною нѣсколько шаговъ и указалъ мнѣ на одну изъ надгробныхъ молеленъ.—Какъ это я ее раньше не замѣтилъ,—удивился я.

Наружная деревянная дверь была открыта; внутренняя чугунная рѣшетчатая была заперта на ключъ. Я махнулъ сторожу, приглашая его удалиться, а самъ сталъ присматриваться сквозь рѣшетчатую дверь къ внутренности моленной. Въ маленькія окна пробивался довольно яркій свѣтъ, но свѣтъ какой-то особенный, вслѣдствіе голубыхъ занавѣсокъ, закрывавшихъ окна до половины. Возвышавшаяся въ глубинѣ могила была мило убрана цвѣтами. Сквозь эти цвѣты я явственно прочелъ: «Раиса Адольфовна Левковичъ». Надъ могилой теплилась неугасаемая лампада, а выше виднѣлось не голубое, а синее небо, съ большими серебряными звѣздами и серебрянымъ же солнцемъ посрединѣ. По стѣнамъ вездѣ красовались вѣнки. Вокругъ меня стояла тишина: нигдѣ не было слышно ни звука. И странное впечатлѣніе производилъ этотъ таинственный, слегка мерцающій свѣтъ, освѣщавшій моленную, въ сравненіи съ тѣмъ рѣзкимъ солнеч-

нымъ свѣтомъ, который потоками обдавалъ все вокругъ и, уже холодный, поражалъ только своею яркостью.

Воспоминанія волною нахлынули на меня. Предаваясь имъ, я, въ то же время, машинально читалъ надписи на лентахъ нѣкоторыхъ вѣнковъ, висѣвшихъ ближе къ двери. Невольно обратилъ я вниманіе на маленькій вѣнокъ изъ засохшихъ цвѣтовъ съ голубенькою лентою, на которой старательно, но нетвердою и неопытною рукою было начертано: «Дорогой барышнѣ отъ Любы». Замѣтилъ я еще другой вѣнокъ, скромный, изъ фарфоровыхъ незабудокъ съ бѣлыми лентами и надписью: «Незабвенному другу отъ Маріи Борисовой». Въ самой глубинѣ красовались два роскошныхъ металлическихъ вѣнка, покрывавшихъ почти всю стѣну, и въ серединѣ ихъ виднѣлись надписи: «Отъ скорбящихъ родителей» и «Отъ неутѣшнаго мужа». Разобралъ я еще нѣсколько надписей, и вдругъ точно живыми предстали предо мною и сама покойница, съ ея опущеннымъ взоромъ и блѣднымъ лицомъ чисто-еврейскаго типа, и ея отецъ, краснощекій, голубоглазый, самодовольный банкиръ Эренштейнъ, и ея мать Хава, тихая, робкая, безмолвная, и ея мужъ, щедушный, но самоувѣренный молодой человекъ, хлыщеватый и напыщенный своимъ богатствомъ и образованностью, и ея подруга, «sweet Магу», какъ называлъ ее братъ, Владиміръ Аркадьевичъ Борисовъ, старинный мой знакомый, который, помимо своего вѣдѣнія, рѣшилъ судьбу покой-

ницы, и бѣдный портной Кацигъ, изнуренный безконечнымъ, тяжелымъ трудомъ, и горбатенькая Люба съ кроткимъ выраженіемъ тихихъ голубыхъ глазъ, и прачка Дарья съ ея неразлучными «музыкантиками»... Вспомнилъ я всѣхъ этихъ людей, съ которыми меня судьба случайно свела, какъ-то еще яснѣе представился мнѣ только-что подведенный итогъ моимъ впечатлѣніямъ и наблюденіямъ, и я вдругъ почувствовалъ сильное, страстное желаніе не дать безслѣдно погибнуть этой тихой, незамѣтной драмѣ и рассказать ее, какъ умѣю. Въ наше время неясныхъ, сбивчивыхъ идеаловъ, — думалось мнѣ, — пусть жизнь сама говоритъ за себя, пусть всякій раскрываетъ ее, по мѣрѣ силъ и возможности, чтобы противопоставлять ее заблужденіямъ нашей предвзятой и, по большей части, безпочвенной мысли.

Я повиновался этому внутреннему голосу. Такъ возникъ очеркъ, который я здѣсь предлагаю спокойному и благосклонному читателю, съумѣвшему сохранить въ глубинѣ души жажду, которая насъ всѣхъ объединяетъ, жажду истины или — если она уже человѣку недоступна — то, по крайней мѣрѣ, правды въ помыслахъ и чувствахъ.

I.

Прачка Дарья, окончивъ стирку въ одномъ изъ казенныхъ заведеній Васильевского острова, возвращалась домой къ Аларчину мосту. Стоялъ декабрьскій ненастный вечеръ. Послѣ трехдневной оттепели, рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ нагналъ морозъ. Громадныя лужи, образовавшіяся было на Невѣ, подернулись льдомъ. Дарья знала, что городской грубо ее оттолкнетъ, если она попытается перейти прямо черезъ Неву. Надо было совершить длинный обходъ черезъ Николаевскій мостъ. Никогда еще она не чувствовала себя такою усталою, какъ сегодня. Она дрожала. Подолъ ея платья и чулки были мокры.

— Тьфу, подлая желтоглазая! — сплюнула она въ сердцахъ, вспоминая, какъ дворникъ Алексѣй, здоровый молодой парень, весь день приставалъ къ краснощекой чухонкѣ Катринѣ и напоследокъ еще, когда онѣ, вдвоемъ съ нею, выливали лохань, обвиняая ее, такъ толкнулъ подлую чухонку въ бокъ, что вода плеснула Дарьѣ на ноги.

Холодно было и скверно. Но Дарья замедлила шаги. Пройти или не пройти? Послѣ минутнаго раздумья, она рѣшительно повернула съ набережной въ линію, быстро дошла до погреба и спустилась внизъ по скользкимъ крутымъ ступенькамъ.

Народу въ погребѣ было немало. Прикащикъ отпускалъ вино, кому — полуштофъ, кому — сороковку, косушку или осьмушку. Дарья пришлось порядкомъ подождать, пока очередь дошла до нея. Ее разбирало нетерпѣніе. Все же легче будетъ, когда выпью, — думалось ей.

Наконецъ прикащикъ, пожилой человѣкъ, съ большими очками на кончикѣ носа, методически обратился къ ней съ привычнымъ вопросомъ:

— Чего требуется?

— Осьмушку.

Когда ей подана была бутылочка, она взглянула на пробку.

Прикащикъ понялъ, въ чемъ дѣло. Медленно доставъ ножъ, онъ срѣзалъ сургучъ, сказалъ: «сама откупоришь», и внушительно прибавилъ: «но здѣсь пить нельзя!»

Дарья вышла изъ погреба, сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону по глухому переулку, остановилась, оглянулась. Никого кругомъ не было. Пробка дѣйствительно едва держалась въ горлышкѣ. Дарья вынула ее и опорожнила половину бутылочки. Затѣмъ снова закупорила ее, опустила въ карманъ и выбралась на набережную.

Она запагала бодрѣ. Ей было еще и холодно, и скверно. Но она предвкушала уже пріятную теплоту, которая вскорѣ начнетъ распространяться по ея усталому тѣлу. Но вотъ она уже приближалась къ Николаевскому мосту и все еще ей было не по себѣ. Проходя мимо однихъ воротъ, она останови-

лась, заглянула — никого тамъ не было. Она шмыгнула въ подворотню и, скрываясь отъ прохожихъ, допила купленную водку.

Выйдя изъ воротъ, она почему-то подумала: «ну, теперь уже не далече», хотя не прошла еще и полъ-дороги. Она, видимо, повеселѣла. Идя по Николаевскому мосту, она замѣтила, что погода разгуливается. Морозъ крѣпчалъ. На небѣ замигали звѣзды, и вдругъ выглянула даже луна, ярко освѣтивъ золотые куполы Благовѣщенія.

Дарья остановилась и, не обращая вниманія на толчки прохожихъ, набожно стала креститься и отвѣшивать низкіе поклоны.

— Пресвятая Богородица!.. Святые угодники! — шептала она. Помолившись, она миновала Николаевскій мостъ и свернула направо по набережной.

Она шла бодрѣе. «Все-жъ таки заработала, — думалось ей. — Да вотъ за квартиру надо внести дворнику рубль. Останется два. Любѣ сапожки надо. Обождетъ. Дѣвочка подрастаетъ. Управиться трудно. Господа стали привередничать. Вотъ, хотя бы Анна Ивановна. Три года ей стираю: всегда оставалась довольна. А тутъ вдругъ говоритъ: ты мнѣ, Дарья, бѣлье портишь. Чѣмъ порчу? Порошку немного прибавишь? Да развѣ безъ этого можно? Руки вѣдь свои, а не чужія. Другія туда же. Всѣ словно сговорились. А человѣкъ — не лошадь аль машина какая!»...

Она добралась до угла набережной и Адмиралтейской канавки и уже хотѣла повернуть, какъ вдругъ изъ-за угла на нее надвинулась какая-то

черная масса. Это былъ хоръ флотскихъ музыкантовъ. Солдаты круто повернули, такъ что приперли Дарью къ стѣнѣ. Появленіе ихъ было такъ неожиданно, что она даже вадрогнула.

— Черти!—пробормотала она.

— Не бойся, тебя не обидимъ,—проговорилъ весело одинъ музыкантъ.

— Старуху намъ не надо,—пояснилъ другой.

— У-у! глазища-то какіе!—вставилъ третій.— Обожжетъ, хотя и стара!

Дарья ничего не отвѣчала. Музыканты прошли, оглашая воздухъ гуломъ своихъ мѣрныхъ и ровныхъ шаговъ. На устахъ у Дарьи заиграла улыбка.

— Музыканты! — произнесла она. — Гдѣ-то онъ теперь, мой музыкантикъ?

Лицо у Дарьи окончательно просвѣтлѣло. Чѣмъ-то радостнымъ, свѣжимъ, весеннимъ пахнуло на нее. Изъ дня въ день она стирала въ сырости, духотѣ, нестерпимой жарѣ, въ которую врывались то холодъ, то смрадъ вонючаго двора. Послѣ стирки она шла отдыхать домой, въ свою каморку на третьемъ дворѣ, столь же вонючемъ и смрадномъ, въ домѣ богача-еврея Эренштейна. И тамъ было мрачно и холодно, потому что на дрова не всегда хватало денегъ, а дома ей теперь рѣдко уже приходилось стирать. Такъ шла ея жизнь. Разнообразіе вносили въ нее только разгуль, попойки съ людьми, встрѣченными гдѣ-нибудь на улицѣ или въ кабакѣ. Дарья еще не пала окончательно; она не отвыкла тру-

диться. Но развратъ наложилъ на нее свою тяжелую руку.

Она вспомнила молодость, деревню. Тамъ было голодно и также подчасъ очень скверно, особенно зимою. Изба отца разваливалась. Въмѣсто крыши торчали одни бревна да жерди. Въ жилой комнатѣ было мѣсто развѣ для двоихъ, а жили въ ней отецъ, мать, она, братишка и сестренка. Но лѣтомъ выпадали и хорошіе дни. Нарядится она въ праздникъ, и парни ея любятъ. Солнце блеститъ и сверкаетъ. Вдали синѣетъ лѣсъ. Все цвѣтетъ и сколько свѣта, сколько воздуха! Дачники съѣдутся — заработокъ есть. Она тогда уже занималась въ прачки. Но тогда она стирала весело, подъ открытымъ небомъ, играючи, шутя. Работница она была хорошая; парни красотою величали...

Стирала она, между прочимъ, у старушки-нѣмки, жившей съ дочерью и зятемъ на дачѣ у нихъ, въ деревнѣ. «Поступила бы ты, Дарья, къ намъ въ услуженіе», — предложила ей старушка. Посовѣтовавшись съ родителями, она согласилась и попала въ Петербургъ. Ее любили; веселаго была она нрава и работала исправно. Старушка недолго оставалась въ Петербургѣ. Она переѣхала къ другой дочери, въ Москву. Но и молодая барыня обращалась съ нею недурно. Выучила ее многому. Люди они были зажиточные, держали кухарку. Квартира была свѣтлая, веселая, уютная. У Дарьи была своя комнатка. Такъ она прожила года три. Баринъ мало бывалъ дома. Утромъ уроки давалъ или на репетиціи хо-